

XIX век занял в истории более столетия — он начался в 1789 году и закончился в 1917-м. Не исключено, что история округлит счет столетий, и в будущем историческим концом XX века будет считаться 1989 год, год антиавторитарных революций в Восточной Европе. Но революция, которую мы переживаем сейчас, не означает конца социализма — она означает лишь, что изжили себя его административно-централизованные формы, как тоталитарные, сталинского типа, так и относительно либеральные, наподобие югославских. Некоторые самые общие попытки прогноза будущего этнокультурного развития народов мира предприняты в последней, заключительной главе моей книги, но в целом она посвящена тем реальностям, которые имели место в этнокультурной истории человечества до 1989 г. Я лишь пытался осветить их по возможности сбалансированно и объективно, без нарочитой конъюнктурно-модной политизации.

С. А. Арутюнов

© 1991 г., СЭ, № 3

Славяне: этногенез и этническая история. Межвузовский сборник. Л., 1989. 176 с. с картами и схемами.

Проблемы этнической истории стали в наше время едва ли не самыми актуальными в исторических исследованиях. «Происхождение славян» всегда было завораживающей темой для исследователей, но наиболее активно вопросы славянского этногенеза стали изучаться с середины 1970-х годов. Исследование велось по двум главным направлениям: археология (работы И. П. Русановой, В. В. Седова, посмертно изданный труд П. Н. Третьякова и др.) и лингвистика (в первую очередь заслуживает упоминания ежегодник «Балто-славянские исследования»). При том, что представители разных направлений стремились корректировать свои выводы, учитывая достижения иных дисциплин, возможности ограничения для взаимоисключающих, в том числе спекулятивных, построений оставались все же неопределенными. Так, по гипотезе О. Н. Трубачева, не существует особых препятствий для реконструкции праславянского языкового единства уже в период индоевропейской общности (на стадии распада, т. е. после IV тыс. до н. э.) на Дунае¹. С другой стороны, давняя «автохтонная» традиция, локализующая праславян в Среднем Поднепровье, продолжает существовать в археологических штудиях Б. А. Рыбакова, отождествляющего славян-земледельцев со скифами-пахарями середины I тыс. до н. э.: эта гипотеза изложена даже на страницах школьного учебника и, таким образом, может влиять на формирование современного этнического самосознания. Для того, чтобы взаимная корректировка этногенетических исследований была эффективной, необходимо учитывать не просто выводы, но и методику разных дисциплин (во всяком случае настолько, чтобы не приписывать самоназвание ираноязычных скифов — *сколоты* славянам, как это делает Рыбаков).

Задачи междисциплинарного синтеза все более отчетливо ставятся в исследованиях по этнической истории; междисциплинарным исследованиям посвящен и рецензируемый сборник, составленный из работ участников семинара по этногенезу и этнической истории при кафедре археологии ЛГУ. Как введение к сборнику можно рассматривать статью одного из редакторов — А. С. Герда «О некоторых вопросах теории этногенеза». Автор подчеркивает необходимость междисциплинарных исследований определенного ареала во всей совокупности связанных с ним этносов — «демогенезиса» (с. 6). При этом представляется принципиально важным положение статьи о том, что показательны не только «совпадения» результатов археологических и лингвистических исследований, но и несовпадения (с. 10). Действительно, полного совпадения ареалов археологических культур, языка и «демоса» (популяции в антропологическом смысле) практически не бывает: см. варианты сочетания «этнических признаков» в статье Н. Н. Цветковой «Антропологический материал как исторический источник» (с. 22—23). Причем даже случаи их «совпадения» (как после завоевания Дунайской Болгарии праболгарами) относятся лишь ко времени завершения этногенеза, но не к этногенетическому процессу в целом.

Так или иначе, исследователям приходится иметь дело с несовпадающими границами нескольких накладывающих один на другой ареалов, и наиболее перспективными представляются, как правило, поиски некоего ядра, «прародины» и т. п. Методике таких поисков посвящена статья В. А. Булкина и А. С. Герда «К этнографической географии Белоруссии», а для ранней праиндоевропейской эпохи — статья А. И. Зайцева «Реки индоевропейской прародины» (в последней работе проблематичной остается правомерность прямого соотнесения мифопоэтических описаний с географическими реальностями). Методика такого рода предлагается и в интересной, но весьма спорной статье Ю. М. Лесмана «К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов». Признаком этнической консолидации автор предлагает считать проницаемость этнической территории для «импортов» (привозных изделий), которые обнаруживают устойчивость внутриа этнических связей. Однако, во-первых, при этом нельзя не учитывать интенсивность внешних влияний: римские «импорты» охватывают чуть ли не весь Старый Свет, что свидетельствует прежде всего об уровне экономических связей империи, а не об этногенетических процессах; во-вторых, само представление об «импортах» нуждается в уточнении, так как для времени сложения древнерусского этноса (ср. с. 17) характерны такие скандинавские «импорты», которые могли проникнуть в Восточную Европу только вместе с «носителями». «Импорты», таким образом, могут обнаруживать процессы миграции, а не собственно этногенетические процессы. В целом для ре-

шения проблем этногенеза верны выводы, сделанные И. И. Земцовским в отношении этномышечного (с. 30—31): монодисциплинарный подход не может претендовать на этногенетические заключения; главное — поиски методики междисциплинарных сопоставлений.

Серия статей сборника посвящена балто-славянской проблематике. Главной проблемой, без понимания которой практически невозможно верно поставить и задачи археологических этногенетических изысканий, остается проблема балто-славянской общности: существовала ли она «исходно» или сформировалась на основе самостоятельных балтских и славянских диалектов в железном веке (как считают О. Н. Трубачев и др.)? Лингвистические аспекты этой проблемы обсуждаются в статьях Ю.-С. А. Лауцуте, В. В. Мартынова, Ю. В. Откупщикова; последняя имеет особое значение для археологии, так как посвящена балто-славянской ремесленной лексике и дает основание для поисков соответствий данным языка. Как явствует из археологических статей сборника, эти поиски особенно актуальны для исследования культур железного века, прежде всего первой половины I тыс. н. э. (ср. с. 50—51 и др.). К этому периоду относятся первые письменные известия о «славянах», но до сих пор практически безуспешными были попытки выделить собственно славянскую культуру среди культур римского времени (пшеворская, зарубинецкая, черняховская и др.). Это заставляет предполагать существование балто-славянской общности вплоть до середины I тыс. н. э. М. Б. Щукин, предлагая в своей статье широкую панораму «семи миров древней Европы» как арены для славянского этногенеза, считает киевскую культуру (V в. н. э.) «балто-славянским эмбрионом будущего славянства». Этническая дифференциация произошла после походов славян на Дунай (VI в.) с выделением достоверно славянских культур (пражская — корчак, пенёковская); «глубинные» культуры Верхнего Поднепровья сохраняли «балто-славянское состояние» и были поглощены лишь в ходе последующей (VII—X вв.) славянской колонизации.

Давно осознанная археологами проблематичность прямого соотнесения этнических общностей и археологических культур продемонстрирована и статьями сборника (В. А. Ушинкас «Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов», В. Е. Еременко «Археологическая карта милоградской культуры» и др.). Г. С. Лебедев (второй редактор рецензируемого сборника) в предлагаемой им археолого-лингвистической гипотезе славянского этногенеза отмечает относительное единство «массива археологических культур раннего железного века» (штрихованной керамики, милоградской и др.) с земледельческо-скотоводческим укладом, сходными поселениями, жилищами и т. д. (с. 107—108) — в этнографии такое единство принято называть хозяйственно-культурным типом (ХКТ); существенно, что единый ХКТ может быть присущ разным этносам. Г. С. Лебедев соотносит упомянутые культуры с «прото-балто-славянами», следующие за распадом зарубинецкой культуры постзарубинецкие памятники, прежде всего, киевскую культуру — с праславянами («венедями» I—V вв.); славянская общность, по его мнению, формируется с «общеславянской консолидацией» на Дунае V—VI вв. и последующим включением в нее периферийных «прото-славянских» группировок — кривичей и др. Как и всякая гипотеза, построение Г. С. Лебедева, в целом логичное, встречает определенные сложности, в том числе в наиболее «проверяемых» последних звеньях: в частности, этноним «кривичи» известен на Балканах² — стало быть, можно предполагать их участие в дунайских походах.

Грандиозную картину славянского этногенеза и в хронологическом (весь железный век) и в географическом (Евразия) смыслах стремится дать в своей статье Д. А. Мачинский: в соответствии с «границами» исследования возрастает и его гипотетичность. Вызывает сомнения не только возведение именно к VIII—V вв. до н. э. всех «великих духовных открытий», особенно «ведийского брахманизма», и «зороастризма», но и датировка «исторической целостности» «скандинавского Средиземноморья» эпохой викингов — формирование этой целостности (в старой литературе — «культура нордического круга») относится, по крайней мере, к эпохе бронзы. Схематичным, учитывая и статьи рецензируемого сборника, выглядит соотнесение этносов и археологических культур (негры — милоградско-подгорцевская, бастраны — зарубинецкая, венеты — культура штрихованной керамики). Вместе с тем представляется продуктивной мысль Д. А. Мачинского об особом значении контактов славян «с более оформленными этносоциумами, что способствовало выработке славянского самосознания... и отделению южных групп праславян от лесного балто-славянского массива» (с. 121). В общих чертах эта идея присуща и другим статьям по славянскому этногенезу (прежде всего Ю. М. Лесмана, М. Б. Щукина и Г. С. Лебедева; специально проблеме контактов славян с германцами в Среднем Подунавье посвящена статья П. В. Шувалова). Этим значением для славян межэтнических связей обусловлен выход за границы балто-славянского мира при исследовании проблем этногенеза и особенно этнической истории: характерно, что общее самоназвание славян было особенно устойчивым на границах славянского мира, от словенцев на Дунае до ильменских словен. Традиционное для любой формирующейся общности противопоставление «своих» чужим было отражено в источниках по истории славянства противопоставлениями типа словене — русь или словене — болгары (на Балканах), но в процессе этногенеза при восприятии чужого этнонима побеждал славянский этнос.

Эпохе раннего средневековья посвящены последние статьи сборника. Все они относятся по преимуществу к Северной Руси и затрагивают проблемы славяно-скандинавских контактов, отраженных в скандинавской географической традиции (Т. Н. Джаксон), в художественном ремесле (Т. Капелле, Гёттингенский ун-т), в эпиграфике, в том числе рунической (Т. В. Рождественская). Все они указывают на то, что интенсивные межэтнические контакты были характерны для формирующейся культуры городов как Руси, так и Скандинавии. Особое значение для проблем этнической истории восточного славянства имеет статья В. Я. Конечного о новгородских сопках: происхождение этих памятников, традиционно приписываемых словенам повгородским, неясно; у других славянских племен подобные памятники неизвестны. Автор возвращается к «скандинавской гипотезе», высказанной еще

А. А. Спициным. Действительно, скандинавы практиковали обряд погребения под довольно высокими («сопковидными») насыпями, но для скандинавского некрополя в Старой Ладоге (урочище Плакун) характерны как раз низкие насыпи; единственное скандинавское (по заключению норвежской исследовательницы А. Стальсберг) погребение в сопковидной насыпи под Ладогой произведено в соответствии с характерным для сопок обрядом — в верхнем ярусе насыпи. Но дело в том, что подобных «ярусных» погребений в самой Скандинавии нет. В Ладого мы скорее имеем пример ассимилирующего воздействия культуры сопок на обряд скандинавских мигрантов, но не наоборот. Видимо, при постановке проблем происхождения сопок, длинных курганов и других традиций, считающихся «племенными», следует учитывать, что процесс этнической консолидации подразумевал не только усиление внутренних и внешних связей (ср. упомянутую гипотезу Ю. М. Лесмана), но и сегрегацию — демонстрацию отличий от соседей, обособленности, наиболее ярко выражавшейся в костюме и погребальных памятниках.

В целом к достоинствам рецензируемого сборника следует отнести то, что авторы не стремятся найти некое «единственно верное» решение проблем славянского этногенеза, но предлагают возможные варианты решений и, что не менее важно, методические разработки подходов к изучению этнической истории.

Каковы, на взгляд рецензента, перспективы этих разработок? Как явствует из статей сборника (прежде всего — М. Б. Шуккина, Г. С. Лебедева, Д. А. Мачинского), особое значение для этнической истории славянства имело столкновение славянских (или балто-славянских) племен первой половины — середины I тыс. н. э. с иными этническими общностями — германцами, иранцами, греками; именно на балто-славянской периферии, прежде всего на юге, активно шла этническая дифференциация, и, по выдвинутой еще на рубеже 1950—1960-х годов Вяч. Вс. Ивановым и В. Н. Топоровым гипотезе, из периферийных балтийских диалектов сформировался праславянский язык³. Эта гипотеза обсуждалась в лингвистических статьях сборника (ср. критические замечания в статье Ю.-С. А. Лаучюте и др.); археологические статьи, в принципе, подтверждают ее обоснованность. На балто-славянском пограничье славяне получили в иноязычных (греческой и латинской) традициях свои наименования: причем имя непосредственных соседей греков на Дунае — славяны — отражало общее самоназвание (см. выше об актуальности этнонима *словене* и т. п. именно на периферии славянского мира), более удаленные группы обозначались иноязычными этниконами — венеты, анты⁴.

Эти обстоятельства существенны и для изучения последующих отношений балтов и славян: славяне получили общее самоназвание, оставшиеся «в глубине» балты его не имели (*балты* — кабинетный термин). Кроме того, архаичное балтское название славян — лит. *Gudai* «белорусы», — восходит к наименованию *готы*⁵ и, вероятно, ко времени включения части славянских племен в Готскую державу, что послужило «дифференцирующим признаком» для балтских (балто-славянских) соседей и родственников.

Весьма насущным для методических поисков семинара представляется исследование исторической этнонимии, прежде всего, в контексте тех традиций, которые используют те или иные этники. Так, ставшее традиционным для археологов, включая и авторов сборника, восприятие этникона *венеды* / *венеты* как обозначения славян (праславян, балто-славян — ср. С. 56, 61, 109, 114) заставляет искать место венетов на карте; при этом не учитывается, что наименование *венеды*, данное извне, имеет индоевропейскую ретроспективу и принадлежит авторам, использовавшим традиционную этнонимическую номенклатуру для обозначения разных народов: ср. наименование «венедями-сарматами» дунайских готов на Певтингеровой таблице⁶ и двойственную локализацию их на этой древнейшей карте. К археологии и лингвистике необходимо подключить собственно и с т о р и ю (чем интенсивно занимаются в последние годы в Институте славяноведения и балканистики⁷). Это даст новый импульс для перспективных поисков ленинградского семинара по этнической истории.

В. Я. Петрухин

Примечания

¹ Ср.: Трубачев О. Н. Языковедение и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопр. языкознания. 1982. № 4. С. 10—26; Там же. № 5. С. 3—17; Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987. С. 335—336.

² Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопр. языкознания. 1974. № 6. С. 62—66.

³ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 303.

⁴ Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян // Вопр. языкознания. 1982. № 5. С. 7.

⁵ Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Славянские древности. Киев, 1980. С. 18—20.

⁶ Из последних работ о венетах см.: Витчак К. Т. О первоначальных венетах // Этимология. 1986—1987. М., 1989. С. 107—114; Шелов-Коведяев Ф. В. Взгляд на проблемы славянского лингво-этногенеза в связи с оценкой возможностей использования античных письменных источников в этих целях // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы докладов Ч. 3. М., 1989. С. 125—127.

⁷ См., помимо упомянутых «Балто-славянских исследований»: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего феодализма. М., 1982 и др.